

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра уголовного права и процесса

Заведующий кафедрой
канд. юрид. наук, доцент
В.И. Морозов

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистра

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВ

по направлению подготовки: 40.04.01 «Юриспруденция»
Магистерская программа: «уголовное право, уголовный процесс»

Выполнил работу
студент 3 курса
заочной формы обучения

Резниченко Евгений Александрович

Научный руководитель
кандидат юридических наук,
доцент

Петров Владимир Васильевич

Рецензент
Надымский городской прокурор
Ямало-Ненецкого автономного
округа
советник юстиции

Толстых Артур Владимирович

Тюмень

2020

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВА	7
1.1. ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ УБИЙСТВА.....	7
1.2. СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ УБИЙСТВА	20
ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА	22
2.1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА ДВУХ ИЛИ БОЛЕЕ ЛИЦ.....	22
2.2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ	33
ГЛАВА 3. ОТГРАНИЧЕНИЕ УБИЙСТВА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	40
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	47
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	50

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Убийством открывается перечень всех запрещенных уголовным законом деяний, именно с него начинается Особенная часть Уголовного кодекса РФ. Объясняется это тем, что уголовно-правовая охрана жизни является приоритетной для законодателя, так как в силу ст. 2 Конституции РФ, именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Отсюда убийство справедливо нужно признать самым жестоким и противоестественным преступлением в отношении человека.

На сегодняшний день на фоне снижения общего уровня преступности наблюдается медленное снижение и уровня насильственной преступности. Вместе с тем убийство традиционно считалось низклатентным преступлением, скрыть которое действительно достаточно сложно по сравнению с иными преступлениями. Однако последнее серьезное исследование в этой области было проведено известным криминологом А. Л. Репецкой. По результатам исследования выявлено, что массив латентных убийств составляет 45 тыс. единиц: за период с 2014 г. по 2017 г. количество зарегистрированных убийств снизилось на 18,4%, их значение в абсолютных показателях составило 10,9 тыс. Тогда как фактическое состояние убийств в исследуемый период, согласно исследованию, имеет показатель в 56,6 тыс. убийств в год. Следовательно, зарегистрированным является только каждое пятое убийство [Репецкая, с. 67].

Такая ситуация самым непосредственным образом связана с вопросами квалификации убийств. Нормы уголовного закона, предусматривающие ответственность за убийство, всё ещё не отличаются единообразием как в понимании доктриной уголовного права, так и в применении судами и правоохранительными органами. Трудные вопросы квалификации убийств имеют место при наличии таких отягчающих уголовную ответственность признаков, как убийство двух или более лиц, убийство с особой жестокостью, так как именно по их применению наличествуют серьезные споры как среди ученых, так и практиков.

Существенные сложности в вопросах квалификации вызывает не только правильное установления признаков того или иного убийства, но и научно обоснованное и справедливое его отграничение от смежных составов преступлений (например, предусмотренных ст. 109, ст. 110, ст. 110.1, ч. 4 ст. 111 УК РФ). Стоит заметить, что одной из причин высокой латентности убийств является квалификация убийства в качестве умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности причинение смерти человеку, что несомненно актуализирует необходимость рассмотрения вопросов квалификации убийств.

Степень научной разработанности темы. Уголовно-правовая характеристика убийств нашла отражение прежде всего в трудах дореволюционного русского профессора Н. С. Таганцева, а также в работах выдающихся ученых советского времени, в том числе: профессора М. Д. Шаргородского, академика В. Н. Кудрявцева, Л. А. Андреевой, В. Г. Беляева, А. Н. Красикова, Н. И. Загородникова, С. К. Питерцева, а также в трудах ученых в области российского уголовного права: Ю. М. Антонян, Г. Н. Борзенков, Т. В. Кондрашова, Н. Ф. Кузнецова, Н. А. Лопашенко, А. И. Рарог, П. С. Яни.

Наибольший вклад в научную разработку вопросов квалификации убийств внесен трудами (диссертация, монографии, учебные пособия) профессора С. В. Бородина, профессора А. Н. Попова.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией норм, предусматривающих уголовную ответственность за умышленное причинение смерти другому лицу.

Предметом исследования выступают правовые нормы об уголовной ответственности за убийство, практика применения данных норм, а также научные публикации по теме исследования.

Целью работы является разработка теоретических положений, связанных с уголовно-правовой характеристикой убийств, выработка обоснованных предложений по разрешению вопросов их квалификации.

Для достижения поставленной цели нами определены следующие **задачи**:

- 1) изучить объект и объективную сторону простого убийства;
- 2) изучить субъекта и субъективную сторону простого убийства;
- 3) рассмотреть проблемы квалификации убийства двух или более лиц;
- 4) проанализировать проблемы уголовно-правовой оценки убийства с особой жестокостью;
- 5) провести анализ практики квалификации убийств, выявить сложные вопросы квалификации, а также предложить рекомендации по их разрешению.

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 янв. 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

Методологическая основа исследования. В ходе выполнения данной работы использовались общенаучные (анализ, синтез, сопоставление, сравнение, дедукция), а также частнонаучные методы познания, такие как: формально-юридический, правового моделирования, правового прогнозирования, юридической герменевтики и др.

Эмпирической основой исследования стала судебная практика по уголовным делам об убийствах, материалы 53 уголовных дел по ст. 105 УК РФ и некоторым смежным составам, изученные автором исследования, за период с 2016 по 2020 гг.

Теоретической основой работы явились труды по уголовному праву, среди которых наибольшее значение для достижения поставленной цели имели работы таких ученых, как С. В. Бородин, Л. Д. Гаухман, Я. И. Гилинский, А. Э. Жалинский, Н. Г. Иванов, Л. В. Иногамова-Хегай, И. Я. Козаченко, В. Н. Кудрявцев, А. И. Коробеев, В. Б. Малинин, А. В. Наумов, Э. Ф. Побегайло, А. Н. Попов, Ю. Е. Пудовочкин, А. И. Рарог, А. Л. Репецкая, Т. Р. Сабитов, З. Б. Соктоев, Р. Д. Шарапов, В. А. Якушин.

Научная новизна работы состоит в авторском анализе новейшей правоприменительной практики, отечественного законодательства об уголовной

ответственности за убийство и некоторые смежные составы преступлений, определении тенденций развития судебной практики. Это позволило обосновать выводы, предложения и рекомендации теоретического и практического характера, направленные на совершенствование практики квалификации убийств. Специальным образом выделены рекомендации по уголовно-правовой оценке убийства нескольких лиц, когда некоторые потерпевшие, по независящим от виновного причинам, выживают. Автор выражает несогласие с разъяснениями по квалификации такой ситуации по совокупности, приводит научно обоснованные доводы и предложения. Затрагиваются вопросы разграничения смежных составов преступлений, предусмотренных ст. 105 и ч. 4 ст. 111 УК РФ на основании новейшей судебной практики.

Теоретическая значимость диссертационного исследования. Выводы и предложения, содержащиеся в исследовании, могут послужить основой для дальнейшего развития научных взглядов на уголовно-правовую характеристику убийств, разрешение трудных вопросов их квалификации и отграничения от смежных составов преступлений.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы в процессе совершенствования уголовного законодательства, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, а также при подготовке методических рекомендаций по вопросам квалификации убийств, в процессе преподавания таких дисциплин, как уголовное право, научные основы квалификации преступлений, квалификация преступлений против личности.

Апробация результатов исследования. По теме исследования опубликована научная статья «Вопросы квалификации убийства, совершенного с особой жестокостью: Теория и практика» в международном научном журнале «Молодой ученый» №15 (305), апрель 2020 года.

Структура исследования представляет собой введение, три главы, последовательно раскрывающие тему исследования, заключение и библиографический список.

ГЛАВА 1. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВА

1.1. ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ УБИЙСТВА

Рассмотрение признаков состава преступления, как правило, осуществляется исходя из его элементов, то есть объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. При этом, как справедливо замечает профессор Ю. Е. Пудовочкин, признаки, характеризующие объект и объективную сторону, принято именовать объективными признаками состава преступления, а признаки, характеризующие субъект и субъективную сторону, – субъективными признаками [Пудовочкин, с. 12]. Так, к объективным обязательным и факультативным признакам состава преступления относятся следующие:

1) объект состава преступления, объединяющий общественные отношения, находящиеся под уголовно-правовой охраной, предмет преступления, потерпевший;

2) объективная сторона состава преступления включает в себя не только собственно деяние (то есть действие или бездействие), общественно опасного последствия, причинной связи между деянием и последствием, времени, места, орудия, средств, способа, обстановки совершения преступления.

Рассмотрим уголовно-правовую характеристику объективных признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ: «Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку».

Доктрина уголовно-правовой науки рассматривает в качестве объекта преступления и субъективные права лица, и правовые блага, и общественные отношения. Однако в отечественном уголовном праве была широко поддержана наиболее прикладная концепция, в рамках которой, объект преступления суть охраняемые уголовным законом общественные отношения [Кудрявцев, 1951], на которые посягает виновное лицо с целью причинения им вреда [Попов, 2014, с. 9].

Говоря об объекте убийства, профессор А. Н. Попов справедливо замечает, что таковым признается жизнь человека, при этом «независимо от ее качественной или количественной оценки» [Комментарий..., 2019, с. 14]. Напомним, что ч. 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации гарантирует: «Каждый имеет право на жизнь». Разумеется, что это – неотчуждаемое и принадлежащее каждому от рождения основное право человека.

Нередко мы наблюдаем, что убийство посягает на специальные общественные отношения, которые составляют в известной степени одну из составных частей в структуре конкретной личности (в частности, признаки: малолетний, представитель власти, новорождённый). При наличии таковых следует с необходимостью заключить, что умышленное причинение смерти в таком случае требует иной квалификации, чем простое убийство, что отражается в особенностях дифференциации уголовной ответственности.

Вместе с тем, возникает теоретический вопрос, объектом убийства является жизни человека как биологического существа или же человека исключительно как личности? Размышляя по этому вопросу один из ведущих исследователей данной темы С. В. Бородин был убежден в невозможности объяснить саму возможность правомерного причинения смерти, например, в условиях необходимой обороны, если признавать за объектом уголовно-правовой охраны жизни исключительно биологические свойства, игнорируя при это социальное [Бородин, Малинин, с. 12] и других обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

Полагаем, что данные рассуждения позволяют более детально оценить характеристики объекта убийства. При этом если рассматривать жизнь человека только как биологического существа в качестве объекта преступления, то абсурдной является квалификация умышленного причинения смерти человеку при террористическом акте по ст. 205 УК РФ, при бандитизме – по ст. 209 УК РФ. Совершая убийство, виновный оказывает влияние не столько на человека-существо, сколько на человека-личность.

Такая позиция представляется не в полной мере обоснованной. Так, человек не обязательно вступает те или иные, предусмотренные в качестве дифференцирующих уголовную ответственность признаков общественные отношения. В частности, имея какое-либо заболевание психики, он может и вовсе признаваться недееспособным. В этой связи преступление против жизни предлагается рассматривать наоборот – в первую очередь как посягательство против материального носителя жизни человека, иными словами: его биологического тела [Уголовное право России, 2015, с. 18].

В уголовно-правовом значении объекта преступления собственно термин «человек» не употребляется. Даже в наименовании раздела VII УК РФ мы видим следующее: «Преступления против личности». Необходимо учитывать, что уголовно-правовая охрана человека как биологического существа имеет место не во всех случаях, среди исключений, как правило, можно назвать все случаи убийств, преступность которых, несмотря на наличие смерти от умышленного посягательства на жизнь человека, исключается предусмотренными гл. 8 УК РФ обстоятельствами.

Здесь же можно указать об убийстве как исполнении уголовного наказания в виде смертной казни, которая хотя не применяется, но предусмотрена и Конституцией РФ, и уголовным законом.

Таким образом, на наш взгляд, нецелесообразно выбирать что-то одно и доказывать обоснованность позиции, так как нужно принимать во внимание совокупность обстоятельств, давать им взвешенную уголовно-правовую оценку при наличии необходимых оснований, учитывать как социальное, так и биологическое. Только при всестороннем понимании человека, можно в более менее в полной мере отразить ценность человеческой жизни – те самые общественные отношения. Упомянув об оценке человеческой жизни, что особенно актуально в спорах об убийстве в состоянии крайней необходимости, подчеркнем, что согласно ст. 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Более того, первым в структуре Особенной части Уголовного кодекса РФ предусмотрена ответственность именно за убийство как

наиболее общественно опасное преступление в данном конкретном (российском) обществе.

На наш взгляд, такие явления с позиций структуры состава преступления должны быть соотносимы. Так, в современном обществе постмодерна стоит признать, что основные ценности представлены человеком (его жизнью), частной собственностью и всеми принадлежащими от рождения правами и свободами человека. В этой связи общественные отношения по поводу собственности как социальной ценности не должны рассматриваться принципиально, категорически иначе, чем отношения, возникающие по поводу человеческой жизни (также) как социальной ценностью.

Указанное зависит и от понимания преступления как такового. Как справедливо Я. И. Гилинский видит в сущности преступления лишь соответствующую форму нормального поведения, иными словами: социальный конструкт [Гилинский, с. 37].

Развитие общественных отношений требует соответствующего совершенствования уголовного права и криминологии, а значит – более полного и точного уголовно-правового понимания преступления, его влияния на ценности как общественные отношения. Представляется обоснованным рассматривать объект убийства в качестве общественного отношения, формирующегося в связи с социальными и естественными характеристиками человеческой жизни как высшей конституционной ценности.

В настоящее время значительно набирает своих сторонников в доктрине уголовного права именно вторая теория объекта, согласно которой объектом преступления совершенно универсально (то есть для всех групп преступлений) обоснованно признавать то или иное конкретное правовое благо [Курс уголовного права..., 2002, с. 209].

Говоря о факультативном признаке объекта, выделяют предмет посягательства, который имеет место не во всех преступлениях. Зачастую, это объекты материального мира (вещи, растения), которым причиняется собственно вред. Обозначим, что в науке уголовного права нет единства мнений в отношении

предмета преступлений против жизни и здоровья. Одни настаивают на отсутствии предмета в таких преступлениях, в частности в составе убийства [Герфер, с. 57]. Другие предлагают признать предметом таких преступлений – человека, потерпевшего от преступления.

Однако в последнем случае многие ученые видят проблематику соотношения понятий в науках криминального цикла:

- 1) потерпевший как предмет преступления;
- 2) потерпевший как участник уголовного судопроизводства.

Вместе с тем наиболее полно мнение о необходимости признания потерпевшего предметом преступления обосновал Л. Д. Гаухман, который именовал его потерпевшим в уголовно-правовом смысле [Гаухман, с. 8].

Кроме этого, особым образом необходимо определить, что потерпевший рассматривается именно в уголовно-правовом значении, а не уголовно-процессуальном, так как в последнем случае потерпевшим может быть признано лицо, не участвующее в качестве предмета преступления в механизме преступного посягательства (например, близкие родственники, родственники в порядке ч. 8 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ).

Родовым объектом убийства выступают общественные отношения, касающиеся жизни человека, права и свободы личности. Непосредственным объектом является жизнь человека. Для правильной квалификации преступного деяния необходимо решить вопрос о наличии или отсутствии объекта посягательства. Дискуссионным вопросом уголовно-правовой доктрины следует назвать единообразное определение момента, с которого обеспечивается уголовно-правовая охрана человеческой жизни. Вызывает интерес научное исследование Т. В. Кондрашовой, в результате которого автор пришла к выводу о сформировавшихся нескольких подходах к пониманию обозначенного момента [Кондрашова, с. 12-13].

А. М. Зайцева отмечает, что началом жизни считается самостоятельное дыхание ребенка [Лобко, с. 122].

Действующий уголовный закон в качестве такого момента устанавливает в качестве такого начала физиологических родов, что вытекает из анализа нормы ст. 106 УК РФ.

При этом надлежит отметить то, что и момент окончания обеспечения человеческой жизни мерами уголовно-правовой охраной на сегодняшний день установлен императивно законодателем. В частности, в положениях профильного закона, а именно – ст. 66 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» признаёт в качестве момента смерти человека именно момент смерти его мозга либо момент биологической гибели человека.

Состав убийства, имеющий материальную конструкцию, допустимо признавать оконченным исключительно при наступлении преступных (общественно опасных) последствий в виде смерти другого лица, юридически возможно установить данный факт только при определении собственно смерти человека. Разумеется, что деяние и общественно опасное последствие в виде смерти другого человека, как правило, разделяется разным по длине временным промежутком. Здесь следует напомнить важное замечание, которое подчеркнул Верховный Суд РФ, указав на то, что сам по себе существенный (значительный) отрезок времени, имеющий место после общественно опасного деяния и до смерти потерпевшего, может быть при убийстве. Следовательно, его наличие и большая протяженность далеко не исключает не только умысла виновного на лишение жизни потерпевшего, но и причинную связь между обозначенными событиями. Это обоснованно, так как течение негативных последствий зависит от многих факторов, в особенности вниманию должен подлежать собственно организм потерпевшего, его состояние, а также условия нахождения.

Жизнь человека в правовом поле рассматривается именно как реализация права на жизнь, которое закрепляется не только Конституцией РФ, но и основными международными актами. Таким образом, считаем справедливым понимание объекта убийства как общественных отношений, складывающихся по поводу реализации человеком естественного, подтвержденного

конституционными и международными положениями права на жизнь, а также обеспечивающие безопасность жизни.

Далее, рассмотрим признаки объективной стороны убийства. Здесь стоит отметить, что по своей конструкции состав убийства является материальным, что прямо следует из диспозиции ч. 1 ст. 105 УК, так как деяние заключается в умышленном причинении смерти, которая должна наступить, чтобы преступную деятельность можно было назвать оконченной. Так, полагаем необходимым рассмотреть именно обязательные признаки объективной стороны убийства, непосредственно влияющие на квалификацию содеянного как убийства.

Общественно опасное деяние, то есть собственно причинение при убийстве, возможно в форме действия и в форме бездействия. Хотя позиция о последнем принята большинством специалистов в области уголовного права, есть и обоснованная позиция о недопустимости умышленного причинения смерти бездействием.

Стоит заметить, что убийства путем действия может быть совершено любым способом с применением не только физического, но и психического насилия. При этом некоторые способы образуют квалифицированные составы убийства, например: убийство, совершенное общеопасным способом.

Как правило, указывается, что убийство в форме бездействия возможно только в том случае, если обеспечение сохранения жизни и здоровья выступало прямой обязанностью виновного. Однако помимо обязанности необходимо устанавливать и наличие реальной возможности действовать у лица, обладающего такой обязанностью, которое умышленно не совершило обязательных для него действий по предотвращению смерти потерпевшего [Уголовное право России, 2015, с. 20].

Исходя из правоприменительной практики, деяние в составе убийства выражается именно действием как проявлением акта человеческого поведения. Нередко даже сущность рассматриваемого преступления раскрывается посредством того, что умышленное причинение смерти другому лицу совершается именно в форме активного действия, направленного, а в

последствии и действительно, значительно нарушающего функции и анатомическую целостность жизненно важных органов. Помимо этого, следует выделить то обстоятельство, что и в теории, и в практике имеют место случаи умышленного причинения смерти другому человеку путем психического воздействия на него. Такой способ является более удобным для преступника и подчеркивающим его направленность умысла при его осознанном и целенаправленном применении в отношении страдающих психическими расстройствами или сердечными заболеваниями людей.

Обратим внимание на имеющиеся и разрабатываемые доктриной уголовного права отличительные черты совершения убийства путем действия и совершения убийства путем бездействия (что особенно тщательно разработано в учении о причинной связи В.Б. Малининым):

1) при активном деянии, то есть при действии – убийство выражается в объективных обстоятельствах тем, что виновный создает условия для реального наступления преступного последствия, то есть причинения смерти другому человеку. При такой форме деяния виновный либо активно создает их собственными действиями либо продолжает развитие возникших без его воли реальных для наступления смерти иных условий (в том числе вызванных другими людьми, природными явлениями).

2) при бездействии ситуация выглядит несколько иначе, так как реальные условия для наступления общественно опасного последствия имеют место исключительно в отсутствие на их возникновение воли преступника. В этом случае виновный, осознавая их характер, не вмешивается в развитие причинной связи явления, чем и допускает, желая или безразлично относясь, преступные последствия в виде смерти потерпевшего. Как следствие, распространена точка зрения о меньшей общественной опасности таких деяний. Характер преступного бездействия также, как правило, обуславливается косвенным умыслом.

По мнению А. Ю. Кошелевой, бездействие обладает «генетическим» свойством «пассивной причины», которое состоит в том, что причина именно

генетическим образом производит последствие, однако совместно с имеющейся уже иной причиной, составляя вместе с ней причинный комплекс – систему, где каждый из элементов является необходимым [Кошелева, с. 201].

На наш взгляд, верно замечает Т. И. Нагаева, что бездействие не причиняет последствий, однако состоит в причинной связи [Нагаева, с. 248].

Обозначенные научные разработки нередко обладают решающим значением при преодолении практической проблемы квалификации таких убийств, а точнее – при решении вопроса о вменении или не вменении лицу преступных последствий (наступившей смерти).

Одним из главных условий уголовной ответственности является необходимость установления причинной связи как обязательного признака материального состава убийства. Без причинной связи невозможно дать правильную уголовно-правовую оценку преступлению. Даже за убийство, в случае отсутствия в нем причинно-следственной связи между деянием виновного и наступившей смертью, ответственность исключается [Малинин, с. 5].

Кроме этого, вопрос о возможности убийства бездействием является крайне дискуссионным в уголовно-правовой науке. Сторонники такой возможности традиционно опираются на хрестоматийный пример умышленного причинения смерти своему новорожденному ребенку мать, которая оставляет его в опасном положении не обеспечивая кормление. Представляется, что наиболее обоснованную критику такой позиции высказала ранее Н. Н. Ярмыш, что некормление ребенка, отсутствие заботы о нем не причиняет смерть, а лишь создает условия [Ярмыш, с. 420].

В действительности объективных критериев о наличии в таком случае детерминационной зависимости порождения (причинения) нет. Не позволяет выявить объективную причинность в таком случае и факт желания матери причинить смерть ребенку в данном примере, потому что, как известно, вопросы причинной связи не могут быть поставлены в прямую зависимость от наличия или отсутствия субъективной составляющей. Как писал В. Б. Малинин:

«Причинная связь либо есть, либо ее нет», - поэтому довод о субъективной составляющей представляется не состоятельным.

Для целей недопущения квалификационных ошибок, верно подчеркивает З. Б. Соктоев, что отличаются юридически значимые и не имеющие уголовно-правового значения причинные связи [Соктоев, с. 117].

Из рассмотренного выше следует, что объектом убийства являются общественные отношений, гарантирующие неприкосновенность жизни, начало которой отождествляется с процессом родов, а конец – биологической (физиологической) смертью. Объективная сторона убийства состоит из общественно опасного деяния (выраженного действием или бездействием), общественно опасного последствия в виде причинения смерти другому человеку, а также причинно-следственной связи между ними. При этом убийство бездействием, как представляется, допустимо только при смешанном бездействии – умышленном поставлении в опасность.

1.2. СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ УБИЙСТВА

Субъективные признаки убийства характеризуют такие два элемента состава преступления, как субъект и субъективная сторона. В составе убийства субъект преступления представлен тремя обязательными признаками – это физическое лицо, достижение им возраста уголовной ответственности, а также состояние вменяемости. Такие признаки в доктрине уголовного права именно применительно к субъекту преступления называют общими, отсюда – общий субъект. Однако иногда способность лица выступать субъектом преступления и ответственности законодатель связывает с наличием у него некоторых дополнительных признаков, тогда субъект преступления именуется специальным. При этом, в науке указывают по-разному, одни – что такие дополнительные признаки должны содержаться в диспозиции нормы (Г. А. Левицкий), а другие – что такие признаки могут предполагаться, напрямую не отражаясь в тексте закона (В. В. Устименко) [Пудовочкин, с. 220].

Стоит отметить, что вид субъекта (общий или специальный) зависит и от вида состава убийства, так как в уголовном законе оно представлено следующим образом:

- 1) так называемое, простое убийство;
- 2) квалифицированное убийство;
- 3) привилегированное убийство.

Применительно к простому убийству элементом состава предполагается именно общий субъект, то есть физическое, вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста [Комментарий..., 2015, с. 270]. Заметим, что в науке имеется точка зрения о том, что в связи со специальным возрастом и субъект должен быть специальным, так как общий возраст уголовной ответственности установлен ч. 1 ст. 20 УК, который составляет 16 лет.

Вместе с тем, возраст уголовной ответственности снижен в ч. 2 ст. 20 УК до 14 лет, то есть определяется нормами Общей части УК, а значит не является признаком специального субъекта. Такая законодательная конструкция, на наш взгляд, свидетельствует лишь о исключении из общего правила, однако оно не преобразует это исключение в дополнительный признак.

Рассматривая вопрос о вменяемости при совершении убийства, надлежит учитывать как юридический, так и медицинский критерии, значение которых определяется в каждом конкретном случае. На вменяемость при определенных условиях могут оказывать влияние другие обстоятельства, каким-либо образом воздействующие на психическое состояние лица в момент совершения убийства.

Не смотря на то, что, как правило, решение о признании человека вменяемым или невменяемым основывается на акте судебно-психиатрической экспертизы о невменяемости, решение выносит суд [Курс уголовного права, 2002, с. 280]. Полагаем, что такой вывод следует именно из того, что все вопросы права разрешаются судом. При этом обоснованно ли отнесение вопроса о вменяемости или невменяемости к правовым категориям? Так, определение невменяемости установлено ч. 1. ст. 21 УК, более того, невменяемость суть свойство субъекта преступления – элемента состава преступления, признаки

которого составляют основание уголовной ответственности (ст. 8 УК). Кроме этого, ранее в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 марта 1992 г. верно указано, что «акт судебно-психиатрической экспертизы о невменяемости, как и иное доказательство, подлежит оценке судом» [12].

Разумеется, в первую очередь надлежит устанавливать степень влияния того или иного психического расстройства на сознание и волю лица. Главный вопрос, определяющий состояние невменяемости, состоит в следующем: «Могло ли лицо в полной мере осознавать фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими?». Положительный ответ свидетельствует о вменяемости лица, совершившего преступное деяние, а значит о том, что он подлежит уголовной ответственности за убийство.

Субъективная сторона, как правило, характеризуется виной (ее формой или конкретным видом), а также иными признаками, обязательность или факультативность которых зависит от конструкции конкретного состава преступления. Среди таких признаков, как правило, называют цель, мотив, эмоции [Пудовочкин, с. 12].

Убийство с субъективной стороны может быть совершенно исключительно с умышленной формой вины. При этом, как точно разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, оконченное убийство возможно как с прямым, так и с косвенным видами умысла [4].

Вместе с тем, покушение на убийство имеет место только при установлении прямого умысла, то есть когда из содеянного вытекает то, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по не зависящим от него обстоятельствам. В этом существенная разница, так как при оконченном убийстве, то есть при наступлении смерти другого человека, в отношении жизни которого было совершено посягательство, вина имеет место и в случае, если

лицо относилось к последствиям в виде смерти безразлично (не обязательным становится желание наступления смерти).

Направленность умысла имеет важное значение для квалификации содеянного. Зачастую она объективируется во вне в виде локализации ударов, их количества, выбора орудия, намеренно пригодного для причинения смерти [42].

Наиболее трудные вопросы в этой связи возникают при наличии фактической ошибки в личности потерпевшего. Так, Л. Э. Спиридонова в этой связи проводит разграничение и выделяет два вида ошибок. По мнению автора, может быть простая и сложная ошибки. Правовое значение такого разграничения выражается в следующем: простая ошибка в личности – юридически нейтральна, тогда как сложная ошибка в личности способна быть двойственного эффекта – иметь и не иметь влияния на квалификацию [Спиридонова, 2013, с. 16].

Ранее об этом также высказывался Верховный Суд РСФСР. Простая ошибка не может устранить умысленной вины, так как для наличия умысла при убийстве необходимо предвидение общественно опасных последствий, а именно того, что от совершаемого деяния может последовать смерть человека [5].

Например, вызывает вопросы квалификация содеянного в ситуации: если виновный полагает, что убивает малолетнее лицо либо лицо, находящееся в беспомощном состоянии, фактически причиняя смерть потерпевшему, личность которого не обладает указанными свойствами [Спиридонова, 2012, с. 66].

По нашему мнению, правильная квалификация действий виновного выглядит так: ч. 3 ст. 30 и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, на основании принципа субъективного вменения. Тогда как фактически наступившие последствия подлежат уголовно-правовой оценке при индивидуализации наказания.

Квалификация по ч. 1 ст. 105 УК РФ нарушает указанный принцип, так как умысел направлен на совершение квалифицированного преступления.

Исследовав основные уголовно-правовые принципы и их виды, Т. Р. Сабитов утверждает, что принципы гуманизма и умеренности уголовно-правового воздействия при квалификации уголовно-правовых убийства выражается в другом принципе – приоритета норм, смягчающих

ответственность. Так, в соответствии с данным принципом при конкуренции уголовно-правовых норм приоритет имеет та норма, которая содержит привилегированный состав преступления [Спбитов, с. 309].

Отсюда следует, что квалификация деяния, признаки которого конкурируют между составом простого и привилегированного убийства, требуется оценка содеянного как привилегированного убийства. Более того, заметим, что недопустима квалификация деяния, имеющего признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 106 УК, совершенного лицом не достигшим возраста уголовной ответственности, требуемого для данного преступления (16 лет), по ч. 1 ст. 105. Зачастую обратное обосновывается тем, что все признаки убийства сохраняются, а возраст уголовной ответственности (14-15 лет) позволяет квалифицировать деяние по ч. 1 ст. 105 УК. Однако в настоящем примере совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 106 УК, лицом, не достигшим 16 лет, является непроступным. Идентично и бесспорно разрешается ситуация, когда простое убийство совершается, например, лицом в возрасте 12 лет. Уголовная ответственность исключается.

Правильная уголовно-правовая оценка убийства предполагает точное установление факультативных признаков субъективной стороны (мотива, цели, эмоционального состояния виновного). Мотив преступления и его цель не являются обязательными признаками субъективной стороны простого убийства, конечно же, при этом, если в содеянном отсутствуют цели и мотивы, предусмотренные в качестве квалифицирующих в ч. 2 ст. 105 УК. Вместе с тем примечательно, что Верховный Суд РФ обозначает необходимость установления мотива в простом убийстве, по той причине, что возможность совершения убийства безмотивно противоречит требованиям закона [8].

Так, Судебная коллегия Верховного Суда РФ признала квалификацию действий Розенталя А.В. по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ верной и указала, что «об умысле направленном на лишение Р. и В. жизни свидетельствует количество нанесенных потерпевшим ударов в жизненно важные органы, а также то обстоятельство, что в процессе лишения жизни осужденный применял нож» [13].

Однако по замечанию профессора А. И. Коробеева, судебная практики нередко исходит из того, что «безмотивное» убийство следует признавать совершенным из хулиганских побуждений, что, с позиции уголовного права, далеко не всегда обоснованно.

Высшая судебная инстанция на сегодняшний день отменяет подобные решения и признает недостаточным основанием для вменения убийства из хулиганских побуждений отсутствие мотива на причинение смерти другому лицу. В частности, следует согласиться с профессором С. В. Бородиным, утверждающим то, что во всех случаях безмотивного простого убийства действия виновного подлежат квалификации как простое убийство по ч. 1 ст. 105 УК. [Бородин, Малинин, с. 197]. На наш взгляд, такая позиция представляется обоснованной, так как рассматриваемый состав преступления не требует установления мотива деяния для квалификации его в качестве убийства. Более того, отсутствие мотива нередко является не уголовно-правовой проблемой, а процессуальной, так как возникает по причине его не установления (недоказанности), а не отсутствия в принципе.

Таким образом, исходя из анализа субъективных признаков убийства следует, что субъектом убийства (ст. 105 УК РФ) является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет. Установлению подлежит не только прямой или косвенный умысел виновного, направленный на лишение жизни другого человека, но и мотив или цель такого посягательства. Важным обстоятельством является то, что покушение на убийство допустимо квалифицировать исключительно при наличии прямого конкретизированного умысла на причинение смерти другому человеку. Тогда как при установлении неконкретизированного прямого умысла или косвенного умысла у виновного при не доведении преступления до конца по независящим от него причинам, вменению такому лицу подлежат только фактически наступившие общественно опасные последствия, а значит вменение покушения на убийство исключается.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА

2.1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА ДВУХ ИЛИ БОЛЕЕ ЛИЦ

Одним из наиболее критикуемых квалифицированных признаков убийства является предусмотренный п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть «двух или более лиц». По мнению профессора В. П. Малкова, убийство двух или более лиц — это новый вид множественности преступлений, которая, с одной стороны, не признается совокупностью преступлений, а с другой — не расценивается как особого рода единое преступление [Малков, с. 30-38].

Актуальность его понимания и правоприменения значительно обострилась в науке уголовного права в связи с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27.01.1999, а именно внесенные Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2008 № 41 в пункт 5 данного документа изменения. Так, высший суд ориентирует правоприменителей на то, что убийство нескольких лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений. Тогда как наиболее спорная позиция изложена далее таким образом: «Убийство одного человека и покушение на убийство другого не может рассматриваться как оконченное преступление — убийство двух лиц. В таких случаях независимо от последовательности преступных действий содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ» [4].

Значительной критике обозначенная позиция была подвергнута к доктрине уголовного права, в частности известным специалистом в области изучения преступлений против жизни, а также собственно квалификации убийств — профессором А. Н. Поповым [Попов, 2009, с. 5].

Применительно к данной ситуации неопределенность выражается в понимании совершения двух и более преступлений и решении ряда вопросов. В частности, насколько допустимо отождествлять совершение двух или более

преступлений как совершение двух или более убийств. Иной подход уголовно-правовой оценки в качестве убийства двух или более лиц.

Обратимся к истории данной проблемы. De facto профессор Н. С. Таганцев указывал на продолжаемый характер убийства, если это охватывалось умыслом (планом) виновного [Таганцев, с. 365]: ряд тождественных действий направленных на достижение единой цели, то есть такое понимание полностью соответствует действующему пониманию такого вида единого преступления. С позиции сегодняшнего дня видно, что в приведенном случае преступление рассматривалось как единое, а значит как простое, так как не образовывало отдельного квалифицированного состава.

Впервые уголовная ответственность за убийство двух или более лиц в уголовном законодательстве России была предусмотрена п. «з» ст. 102 УК РСФСР 1960 года. Так, в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 03 июля 1963 г. № 9 было сказано прямо, что «убийство двух или более лиц характеризуется единством преступного намерения виновного и, как правило, совершается одновременно» [44]. Подход был перенесен и в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. № 4 [45].

Отметим, что первоначальная редакция действующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 идентичным образом понимала рассматриваемый квалифицированный признак убийства.

Однако помимо рассматриваемого признака (п. а ч. 2 ст. 105) УК РФ 1996 года предусматривал квалифицирующий признак неоднократности убийства. Обозначенный признак был декриминализован 08 декабря 2003 г. Федеральным законом № 162-ФЗ. Более того, указанным законом исключена из уголовного закона неоднократность как признак множественности преступлений. Наличие такой формы множественности имело противоречивые правовые последствия, например, невозможность разграничения неоднократности и совокупности убийств. К сожалению, фактически к этому и возвращает указанное ранее разъяснение Пленума Верховного Суда РФ от 2008.

Имевшаяся ранее в уголовном законе неоднократность применительно к убийствам представляло собой постольку неоправданное смягчение уголовной ответственности, поскольку ранее совершенные конкретным лицом убийства *de jure* утрачивали самостоятельное правовое значение. Как следствие, они квалифицировались как одно убийство, но квалифицированное убийство. Подчеркнем, что здесь имела место невозможность квалификации убийств по совокупности.

Итак, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ устанавливается уголовная ответственность «не за два или более убийства, а за причинение смерти двум или более лицам в результате одного преступления. Об этом, в частности, свидетельствует то, что здесь употреблено слово «убийство» в единственном, а не во множественном числе» [Попов, 2009, с. 6].

Так, ранее данные разъяснения высшей судебной инстанции, как мы обозначили выше, указывали на два критерия, наличие которых свидетельствовало о признаке убийства «двух или более лиц»:

- 1) единство преступного намерения виновного, то есть признак субъективной стороны;
- 2) причинение смерти жертвам, как правило, одновременно, то есть признак объективной стороны.

Наиболее точно писал профессор С. В. Бородин, по его мнению: «О единстве преступного намерения свидетельствуют умысел на убийство двух или более лиц и один и тот же мотив лишения жизни этих лиц» [Бородин, с. 86].

Как правило, отстаивается позиция, согласно которой исключительно умысел на убийство нескольких лиц до начала преступных действий следует признавать тем обстоятельством, которое позволяет оценить содеянное в качестве единого продолжаемого преступления.

Иначе утверждала Л. А. Андреева: «»Речь идет об едином преступлении, и при квалификации по п. «а» ст. 105 УК при разных мотивах один из них либо игнорируется, либо распространяется и на то убийство, к которому отношения

не имеет» [Андреева, с. 4-5]. Соглашаясь с такой позицией, профессор А. Н. Попов [Попов, 2019, с. 28].

Помимо этого, небезынтересно замечание и А. Л. Иванова в той части, что имеющиеся разъяснения высшей судебной инстанции имеют иные противоречия. Например, остаётся неясным характер уголовно-правовой оценки причинения смерти двум или более лицам, в тех случаях, когда смерть каждого из них подлежит квалификации в качестве самостоятельных простого, привилегированного или квалифицированного убийств [Иванов А. Л., с. 47].

На наш взгляд, при квалификации содеянного как убийства двух или более лиц необходимо учитывать следующие обстоятельства:

- 1) умышленно ли виновный причинил смерть всем потерпевшим;
- 2) смерть нескольким лицам причинена в результате одновременных или разновременных действий виновного.

Следовательно, убийство двух или более лиц имеет место исключительно тогда, когда такое преступление охватывалось умыслом виновного и имело единый мотив либо при наличии умысла на убийство является одновременным.

Ещё профессор С. В. Бородин писал, что один мотив лишения жизни также как раз-таки и отражает то самое единство намерений виновного на убийство двух или более лиц [Бородин, с. 87].

Иначе полагает А. Л. Иванов, который соглашаясь с разъяснением Пленума ВС РФ, считает, что убивая второго и последующих потерпевших, виновный, безусловно, осознает все фактические обстоятельства произошедшего, в том числе и то, что он ранее также причинил смерть первому из потерпевших, и желает либо сознательно допускает наступление смерти и другим лицам либо относится безразлично. В осознании данного факта и выражается единство преступного намерения на умышленное причинение смерти двум или более лицам» [Иванов А. Л., с. 48].

Ученый полагает, что органы следствия неверно квалифицировали следующую ситуацию. Так, в ходе совместного распития спиртных напитков виновный нанес другому лицу удар в область шеи, от чего тот скончался. При

этом, спустя три года он же, распивая спиртные напитки со знакомым, нанес последнему удар в область головы, причинив смерть. Органы следствия квалифицировали содеянное по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 105 УК РФ, то есть как два простых убийства. Такая оценка была объяснялась тем, что умысел виновного на причинение смерти каждому из потерпевших возникал самостоятельно, а также имел место большой временной интервал. Помимо этого, допустимо поставить вопрос и в отношении вида умышленной формы вины (возможно предположить, исходя из имеющего описания, что убийство совершалось каждый раз с косвенным умыслом). На наш взгляд, органы следствия поступили верно, согласно духу и букве закона.

Так, справедливо делает акцент Д. Ю. Краев на том, что возможно причинение смерти каждому из потерпевших в разное время исключительно при условии, что прямой (и только прямой!) умысел на причинение смерти двум или более лицам возник у виновного до начала выполнения объективной стороны первого убийства [Краев, с. 33]. При этом в качестве так называемого исключения многими учеными и правоприменительной практикой признается допустимым возникновение умысла на убийство двух или более лиц и в процессе совершения первого убийства, когда происходит так называемое перерастание умысла с убийства одного на убийство двух или более лиц.

Далее, поясняя формулировку о «двух и более преступлениях» в ч. 1 ст. 17 УК как исключаящее совокупность преступлений обстоятельство профессор П. С. Яни настоятельно утверждает, что смысл данной нормы «как раз и состоял, чтобы квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК убийства как соединенные, так и не соединенные умыслом, совершенные как одновременно, так и в разное время, как по одному, так и по разным мотивам» [Яни, с. 27].

Отсюда термин «преступление» в рамках положений ч. 1 ст. 17 УК нужно уяснять исключительно как деяние. Согласно позиции П. С. Яни, убийство двух или более лиц является единым преступлением, так как посягает на жизнь вообще и поэтому каждый акт умышленного лишения жизни другого человека охватывается п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Тогда как при наличии единого умысла

на совершение убийств нескольких лиц (то есть ранее рассмотренная позиция) – позиция данного профессора сводится к тому, что имеет место не просто единое преступление, а единое продолжаемое преступление.

В целом, обладая логичным и более, чем обоснованным доказательством, последняя позиция представляется не в полной мере отвечающая духу уголовного закона и пониманию признака «двух или более лиц» как единого преступления. Например, с позиций профессора П. С. Яни при квалификации единого преступления убийства нескольких лиц без единого мотива, умысла и в разное время оценка содеянного является как квалифицированное убийство – по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Вместе с тем, и при признании преступления продолжаемым (при установлении единства намерений, умысла на убийство двух или более лиц) – квалификация не изменится. Представляется, что данная позиция лишь объясняет понимание Пленумом ВС РФ рассматриваемых законоположений, но не свидетельствует об их доктринальной состоятельности и правильности. Важно заметить, что П.С. Яни совершенно верно указывает на то, что рассматриваемое преступление является единым.

В действительности полагаем, что рассматриваемое убийство не может быть продолжаемым уже потому, что единство умысла на совершение ряда тождественных действий с единой целью (признаки продолжаемого преступления) представляют собой самостоятельный состав преступления, как то: убийство двух или более лиц. Следовательно, при отсутствии таких признаков надлежит заключить наличие совокупности убийств, как совершенных разновремененно, без единого умысла, при разных мотивах.

В этой связи полагаем безосновательным решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ о переквалификации убийства, совершенного неоднократно (по причине декриминализации признака), на убийство двух или более лиц [6], [9].

На наш взгляд, убийство двух или более лиц как квалифицированный состав имеет место в следующих случаях.

1. Убийство двух или более лиц одновременно (одним выстрелом, взрывом, поджогом и т. п.) с прямым или косвенным умыслом к смерти двух или более лиц. При этом об одновременности (одномоментности) убийства могут свидетельствовать способ преступления, место, время и иные обстоятельства. Так, нередко в правоприменительной практике убийство в одном месте в одно время для обеспечения тайности (например, в подвале [11]).

Как справедливо подчеркивается в юридической литературе, в рассматриваемом составе преступления при одновременном убийстве возможен как прямой умысел, так и косвенный (иногда даже указывают на сочетание косвенного и прямого умыслов [Энциклопедия уголовного права, т. 13, с. 271]). Так, при прямом умысле виновный осознает общественную опасность своего деяния, направленного на лишение жизни двух или более лиц, предвидит возможность или неизбежность наступления их смерти и желает ее наступления. При косвенном умысле виновный осознает общественную опасность своего деяния, направленного на лишение жизни двух или более лиц, предвидит возможность наступления их смерти, не желает, но сознательно допускает ее наступление или относится к ней безразлично.

2. Убийство двух или более лиц в разное время, но при единстве умысла и мотива на убийство двух или более лиц, при этом данные признаки субъективной стороны должны иметь место до убийства первого лица. Здесь возможен исключительно прямой конкретизированный умысел. Так, обвиняемая проживала у потерпевших П. и Н. и по договоренности платила им денежные средства, а потерпевшие осуществляли уход и позволяли жить в своей квартире, однако позднее осужденная перестала платить, как следствие, постоянно стали возникать ссоры на этой почве. Желая разрешить проблему и причинить смерть двум лицам, Н. Л. Хрусталева взяла имевшийся у нее пистолет, зашла на кухню, где выстрелила в голову П., а затем ждала возвращения домой Н., которому прямо на входе выстрелила в голову [28]. Судом верно дана уголовно-правовая оценка содеянному как убийству двух лиц по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Стоит отметить, что умысел на убийство двух или более лиц может иметь место и позднее, чем начало убийство первого лица. При этом возможно возникновение умысла на убийство второго человека во время совершения убийства первого человека [30], что подтверждается и позициями Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ [14].

Так, Порохня В.П. часто пьянствовал, при этом проживал с матерью и отчимом, в один из моментов последние выразили необходимость того, чтобы Порохня В.П. съехал от них и жил отдельно. По этой причине несколько позже сын нанес ножом не менее 3 ударов в туловище своей матери, которая, пытаясь спастись, бежала из двора в огород. Однако В.П. Порохня настиг мать у калитки и нанес ей еще не менее 4 ударов в туловище и не менее 4 ударов в область шеи и лица, отчего наступила её смерть. Сразу же после убийства матери, у Порохня В.П., по тому же мотиву из-за ссоры о месте его жительства, возник преступный умысел, направленный на убийство М. В этой связи виновный, вооруженный тем же ножом, вошел в дом и нанес лежавшему на диване М. один удар ножом в грудь, от чего на месте происшествия наступила смерть М. [27]. Вышестоящая судебная инстанция согласилась с квалификацией содеянного по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ [15]. В данном случае имело место возникновение умысла на убийство двух лиц сразу же после убийства первого, что отражается не только в едином мотиве, но и в отсутствии разрыва во времени, наличии одного условного места преступления (двор частного дома и собственно дом). Подобные примеры бывают часто и объединяются, как правило, мотивом преступления [22].

В то же время представляется необоснованным вывод суда о правильности квалификации содеянного судом первой инстанции в качестве преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ в следующем случае. Обстоятельства дела: в процессе распития спиртного с ранее знакомым Х., в ходе возникшей ссоры, он, Шукатко, схватив нож, нанес удары потерпевшему в разные части тела, после чего похитил вещи. Взяв с собой нож, покинул квартиру и поехал в город, где во дворах около какого-то дома, встретив, ранее незнакомого Д. в ходе конфликта, нанес последнему удары ножом, после чего забрал у него телефон.

Кроме этого, вышестоящая судебная инстанция подчеркнула, что квалификация правильная, а способ и мотив совершения убийства потерпевших, характер и локализация причиненных телесных повреждений в область жизненно важных органов, использованное орудие убийства – нож, судом правильно определены, как наличие прямого умысла на лишение жизни Х. и Д., то есть убийство двух лиц [16].

Вместе с тем, очевидно, что при убийстве первого лица Х. виновный Шукатко не планировал, а по обстоятельствам дела даже не предвидел убийство двух лиц. Более того, умысел на убийство Д. возник непосредственно перед его совершением деяния, через день после убийства 1 человека. Следовательно, второе убийство было совершено через день, после первого, не охватывалось умыслом виновного первоначально. А сама по себе идентичность умысла на собственно убийство и схожесть мотива без их единства не образуют единое преступление. В данном случае имеет место два убийства, а не единое убийство двух лиц. На наш взгляд, такая квалификация оправдывается исключительно критикуемыми разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ и одновременно игнорирует доктринальные, исторические и компаративные позиции по данному вопросу.

Далее, Верховный Суд РФ неоднократно указывал на важность полной квалификации содеянного. Так, в пункте 17 постановления Пленума от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» сказано об обязательности квалификации убийства с отягчающими квалификации. Как точно указывает Т. Р. Сабитов в докторской диссертации, разъяснение Пленума Верховного Суда РФ в отношении квалификации убийства двух или более лиц, когда один человек по независящим от виновного причинам не умирает, нарушает уголовно-правовой принцип – принцип однократности вменения. Пленум Верховного Суда РФ требует убийство одного человека и покушение на убийство другого независимо от последовательности преступных действий квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ».

Исходя из правил квалификации по субъективной стороне квалифицированных преступлений следует то, что при невыполнении всего квалифицированного состава – надлежит оценивать содеянное как покушение на более тяжкое преступление. Указанный в разъяснениях Пленума абстрактный случай охватывается уголовно-правовой оценкой в качестве преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, что помимо правила квалификации соответствует общественной опасности содеянного и принципу однократности вменения [Сабитов, с. 309].

Так, Николаев К. В. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30, п.п. «а, б» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Вызывает претензии квалификация содеянного по совокупности оконченного убийства двух лиц и покушения на убийство двух или более лиц. По обстоятельствам дела, изложенным в приговоре, Николаев, действуя с прямым умыслом, причинил смерть выстрелом в голову Е. М., затем также убил Т. Д. Однако после этих убийств, пытаясь скрыться с места происшествия, чтобы избежать задержания со стороны преследовавших его А.Н., Э.Е. и А.В., виновный вначале произвел один выстрел в А.Н., но попал, после чего еще не менее трех раз пытался выстрелить в А.Н. Э.Е. и А.В., но ввиду осечек выстрелов не произошло [29]. Подобная квалификация – не редкость [18], [21].

Ситуация является неоднозначной, так как возникает вопрос: охватывается ли квалификация содеянного по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ или требует вменения дополнительно покушения на данный квалифицированный состав. На наш взгляд, ответ на этот вопрос зависит от признания наличия или отсутствия узконепосредственного объекта в составе убийства, то есть уголовно-правовую охрану жизни конкретного человека. На такой позиции настаивает в своей диссертации Е. А. Дрожжина [Дрожжина, 2015, с. 27]. Вместе с тем, констатирует ученый, что, учитывая «сложившуюся практику квалификации преступлений, можно сделать вывод о безотносительности объекта преступления и конкретной личности потерпевшего» [Дрожжина, 2015, с. 16].

Отсюда следует, что уголовно-правовой охране подлежит собственно жизнь как благо, вообще, а не жизнь конкретного человека. Так, например, убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, однако в действительности она не была беременной – подлежит квалификации как покушение на квалифицированное убийство. De facto жизнь не оценивается юридически, ведь мы вынуждены заключить лишь покушение [Бохан, Иванов, с. 40-43]. Следовательно, как нам представляется, указанный выше приговор дает неверную оценку посягательству, так как п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ охватывает все имевшиеся в действительности деяния.

Таким образом, умышленное посягательство на жизнь двух или более лиц является довольно спорным признаком убийства. Принимая во внимание, что квалифицированное убийство является самым опасным деянием, нужно как можно раньше и в доктрине, и (что более важно) в правоприменительной практике прийти к консенсусу понимания его сущности и уголовно-правового содержания, единообразия в подходе к уголовно-правовой оценке причинения смерти умышленно нескольким лицам, покушения.

Убийство двух или более лиц является единым преступлением, которое совершается одномоментно или в разное время. В первом случае виновный может иметь как прямой, так и косвенный умысел, тогда как во втором случае убийство двух или более лиц допустимо исключительно с прямым умыслом. Представляется, что убийство двух лиц и покушение на убийство третьего лица при наличии умысла на убийство трех лиц, содеянное подлежит квалификации как оконченное преступление, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Такая квалификация имеет место в ситуации, когда смерть фактически причинена двум лицам, а два или более остались живы по причинам, независящим от виновного. Кроме этого, полагаем, что при наличии умысла на убийство двух лиц, при фактическом причинении смерти одному лицу, содеянное в целом надлежит квалифицировать в качестве преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

2.2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ

Трудности в правоприменительной практике, обусловленные особенностью оценочной формулировки квалифицируемого признака имеют место и при изучении состава убийства с особой жестокостью, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. При этом разъяснения Пленума Верховного Суда РФ ориентируют, что понятие особой жестокости связывается не только со способом убийства, но и с другими обстоятельствами. Как известно, последние могут признаваться правоприменителем таковыми в каждом конкретном случае, что справедливо можно назвать неопределённостью уголовно правового запрета.

Главная особенность такого квалифицированного убийства заключается в том, что особая жестокость есть оценочное понятие, то есть такое, которое нельзя объяснить исчерпывающим образом. Иначе и довольно категорично высказывалась ещё профессор Н. Ф. Кузнецова: признак особой жестокости в конструкции предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ убийства является достаточно конкретизированным теорией и практикой, в связи с чем по существу утратил свой оценочный характер» [Кузнецова, с. 138].

Как верно заметил В.Н. Кудрявцев, «существование в законодательстве оценочных понятий объясняется тем, что они дают возможность хорошо учитывать социальную обстановку, специфические обстоятельства дела, которые обладают многообразным содержанием и в конкретном своем проявлении выступают в различной форме» [Кудрявцев, 2006, с. 117]. Вместе с тем, сохранение оценочных признаков уголовном законе, как пишет профессор А. И. Рарог, – «допустимо лишь в крайних случаях, когда обойтись без них невозможно или очень трудно» [Рарог, с. 32].

Избежать оценочных понятий в уголовном праве в принципе невозможно, но их применение на практике традиционно вызывает значительные сложности. В этой связи надлежит установить критерии особой жестокости, которые бы

позволяли правильно определять наличие или отсутствие её в каждом конкретном случае при совершении убийства [Попов, 2001, с. 29].

Стоит подчеркнуть, что в первую очередь для квалификации убийства по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, с точки зрения субъективной стороны, умыслом виновного должен охватываться признак особой жестокости, вернее – характер особой жестокости [Егоров, с. 25]. Для целей квалификации, данный характер должен быть как объективным, так и субъективным, то есть отражающимся в сознании и воле виновного. Учитывая, что убийство суть умышленное причинение смерти, оно может быть совершенно как с прямым, так и с косвенным умыслом. Отсюда, при совершении убийства с особой жестокостью виновный должен не только осознавать особую жестокость своего деяния, предвидеть возможность совершения убийства с особой жестокостью и желать этого, но и сознательно допускать или относиться безразлично.

Пленум Верховного Суда РФ ориентирует суды на то, что признак особой жестокости имеет место в случаях применения пыток, истязания или глумления над жертвой. Вместе с тем на сегодняшний день всё ещё остаётся разнообразие объяснений и толкований признака «особая жестокость» при совершении преступлений. В науке уголовного права и правоприменительной практике существуют разные толкования термина «особая жестокость».

Примечательно, что многие ученые зачастую для определения значения «особых жестокости» применительно к убийствам апеллируют слову «страдания», испытываемые потерпевшим. Например, А. Н. Попов понимает под особой жестокостью причинение потерпевшему особых физических и (или) нравственных страданий, то есть «сильных, достаточно продолжительных, многократных или однократных страданий» [Попов, 2003, с. 361].

Ж. В. Тришина предлагает понимать под особой жестокостью «пытки, мучения, истязания и иное воздействие на человека, причиняющее прижизненные страдания состоянию потерпевшего» [Тришина, с. 8]. Иначе указывают другие авторы: сильные физические или психические страдания [Артюшина, с. 8], исключительно тяжкие страдания [Плаксина, с. 244],

физические и психические страдания [Попова, с. 24], чрезвычайные страдания [Шайкенова, с. 8].

Г. И. Чечель утверждает, что особая жестокость — это более высокая качественная и количественная сторона деяния по отношению к понятию жестокость [Чечель, с. 14].

Справедливо подчеркивают В. И. Гладких и Е. Н. Маслова: жестокость в действительности есть ни что иное как человеконенавистничество [Гладких, Маслова, с. 139].

В связи с отсутствием единого подхода к пониманию «особой жестокости», И. Я. Козаченко и А. Г. Меньшикова настаивают на необходимости получения более точных и полных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и даже предложили его возможное наименование: «О судебной практике по делам о преступлениях, совершаемых с особой жестокостью» [Козаченко, Меньшикова, с. 56-59].

Более того, Ж. В. Тришина предлагает даже внести соответствующие дополнения на законодательном уровне в положения, выносимых на защиту *de lege ferenda*. Ж. В. Тришина считает обоснованным скорректировать положения ст. 105 УК РФ «Убийство» посредством включения примечания [Тришина, с. 8].

Большое разнообразие мнений ученых не дает точной и конкретной картины рассматриваемого признака. В этой связи довольно трудно разграничить и отличить на практике «обыкновенную» жестокость от особой жестокости при убийстве, но необходимость такой дифференциации имеет более, чем важное значение.

А. Н. Попов утверждает, что «именно сочетание процесса убийства с сознательным, умышленным причинением дополнительных страданий, находящихся за рамками процесса причинения смерти, и образует понятие «особой жестокости» [Попов, 2003, с. 359]. Так, например, Разбродин А.В., будучи в состоянии алкогольного опьянения, на почве личных неприязненных отношений к К., возникших в ходе ссоры, действуя умышленно на причинение смерти, нанес множественные удары руками, ногами по голове К. и

металлической кочергой по правой руке К., продолжая действия по причинению смерти положил на лицо потерпевшего раскаленный до высокой температуры кирпич, облил К. легковоспламеняющейся жидкостью и поджег, осознавая при этом, что потерпевший будет испытывать особые страдания и физическую боль от воздействии огня на его тело [24].

При этом стоит заметить, что при прямом умысле на причинение смерти другому человеку допустимо наличие косвенного умысла по отношению к убийству с особой жестокостью. Последнего придерживается известный ученый в области изучения посягательств на жизнь профессор С. В. Бородин. Ранее на эту проблему обращал внимание профессор Н. И. Загородников [Загородников, с. 175].

Особая жестокость будет наличествовать только перед лишением жизни или в процессе совершения убийства, но никак не после причинения смерти, о чем писал ранее Ю. М. Антонян [Антонян, с. 53]. И оценивает как простое убийство. Иначе полагает профессор Н. Г. Иванов, указывающий, что деяние должно квалифицироваться как покушение на убийство с особой жестокостью [Иванов Н. Г., с. 238].

Такое мнение в целом подтверждается правилом квалификации преступления, в том числе квалифицированных убийств, при наличии фактической ошибки в квалифицирующем признаке [Попов, 2003, с. 343].

Обозначенная позиция представляется верной, так как подобная квалификация позволяет отразить направленность умысла виновного на совершение квалифицированного вида убийства (по правилам субъективного вменения). Указание на неоконченную преступную деятельность (в данном случае – покушение) отразит тот факт, что преступный результат не наступил по независящим от виновного обстоятельствам. Тогда как уголовно-правовая оценка наступивших последствий может быть и обязательно должна быть дана исключительно в процессе индивидуализации наказания [Спиридонова, 2012, с. 66]. Вместе с тем, говорить о том, что наступление смерти в таком случае не

оценивается неверно, так как квалифицированный вид убийства является более репрессивным и охватывает простое убийство.

Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что особая жестокость может выражаться и в способе, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий, среди таковых могут быть, например:

- 1) нанесение большого количества телесных повреждений [31];
- 2) использование мучительно действующего яда;
- 3) сожжение заживо [23];
- 4) длительное лишение пищи, воды;

Н. Г. Иванов уверен, что: «полный перечень таковых способов предложить невозможно» [Иванов Н. Г., 2014, с. 238].

Однако зачастую указывают, что для определения характера страданий надлежит отталкиваться именно от объективной реальности, и, если далее будет установлено, что виновный ее наличие осознавал, следует заключить особую жестокость. С таким мнением справедливо не соглашается профессор Л. Л. Кругликов, который полагает, что особая жестокость проявляется в том, что потерпевшему причиняются излишние мучения и страдания, не обусловленные сущностью того преступления, которое совершается виновным, основной целью деяния, в данном случае – убийством [Кругликов, с. 7].

Отдельно Пленумом Верховного Суда РФ выделяется то обстоятельство, что как совершенное с особой жестокостью может признаваться такое убийство, которое совершено в присутствии близких потерпевшему лиц, которым причиняются особые страдания, что подтверждается и новейшей судебной практикой. Так, 29 октября 2019 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассматривая дело № 2-1/2019 вновь обратила на это внимание. В приговоре суд мотивировал исключение из обвинения Д. п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, указав при этом на то, что «...девочка (речь идет о малолетней С. появилась в кульминационный момент развития ситуации, вследствие чего последняя (Д.) в то время не могла осознавать, что причиняет девочке особые страдания» [17].

Вместе с тем, иногда может быть и сочетание тех или иных признаков, отражающих особую жестокость убийства. Например, в 2017 году Басюк Д.М., поджег девушку на глазах малолетний сын - К., который испытывает особые страдания» [25].

Следовательно, об особо жестоком способе убийства могут свидетельствовать различные обстоятельства, указывающие на то, что убийство сопровождалось причинением излишних физических страданий потерпевшему.

В этом случае наиболее важным обстоятельством следует признать то, что само по себе большое количество, например, ножевых ранений, как правило, действительно отражает наличие и направленность умысла виновного на убийство, однако это не тождественно направленности умысла на убийство с особой жестокостью [7]. Нужно обосновать и доказать, что виновный действовал с умыслом, направленным на совершение преступления с особой жестокостью [Попов, 2001, с. 52]. Необходимая доказательственная база для вменения такого признака не была установлена.

Так, в 2019 г. был осужден Метлицкий И. В., который имея умысел на убийство ФИО с причинением ей в момент лишения жизни особых страданий и мучений, осознавая это и желая наступления именно таких последствий, вооружился двумя ножами и напал на потерпевшую ФИО. Как установлено следствием и судом, виновный нанес имеющимися ножами не менее 100 ударов в область расположения жизненно важных органов: не менее 28 ударов в голову, не менее 15 ударов в шею, не менее 27 ударов в туловище, не менее 30 ударов в область нижних и верхних конечностей, а также нанес ей неустановленным тупым предметом не менее 2 ударов в область правого и левого глаза [31].

Вместе с тем, небезынтересно то, что иногда суд полагает, что признак особой жестокости исключается наличием желания виновного как можно скорее причинить смерть потерпевшему. Так, в 2020 г. Пятый апелляционный суд общей юрисдикции согласился с судом первой инстанции об исключении признака «особой жестокости» из объема обвинения, так как характер насилия, скоротечность причинения повреждений, выбор орудия преступления, отрадали

отсутствие намерения о осужденных Васильева А.С. и Дяченко Е.В. достичь скорейшего наступления смерти потерпевшего, а не причинения ему особых страданий» [19]. Такая позиция представляется обоснованной.

Таким образом, убийство с особой жестокостью является довольно трудным для понимания признаков в абстракции уголовного закона, вместе с тем в практике правоприменения основные вопросы, вызываемые оценочным характером данного квалифицирующего признака. Стоит признать, что признаки, характеризующие сопровождаемую убийство особую жестокость, могут быть как отдельно (убийство в присутствии малолетних детей, убийство множеством ножевых ударов и др.), так и при сочетании данных признаков (например, сожжение заживо на глазах малолетних детей жертвы). Подчеркнем, что в случаях, когда виновный осознает особую жестокость совершаемого им убийства, но фактически таковая не причиняется, надлежит вменить покушение на убийство с особой жестокостью.

ГЛАВА 3. ОТГРАНИЧЕНИЕ УБИЙСТВА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Убийство как состав преступления открывает Особенную часть Уголовного кодекса РФ, потому что посягает на главное благо личности – жизнь. Вместе с тем, посягательство на жизнь закреплено и в иных статьях уголовного закона. Прежде всего, отграничение убийства (простого квалифицированного, привилегированного) надлежит проводить от таких составов, как причинение смерти по неосторожности, (ст. 109 УК РФ), доведение до самоубийства, склонение и содействие к совершению самоубийства (ст. 110, ст. 110.1 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее причинение смерти по неосторожности (ч. 4 ст. 111 УК РФ) и некоторые другие.

Начнем с конца: в действующем уголовном законе довольно распространена криминализация убийств в иных преступлениях. Среди таковых стоит выделить, например: п. «б» ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 206, ч. 4 ст. 281, ч. 3 ст. 361 УК РФ. В данных преступлениях умышленное причинение смерти оценивается законодателем исключительно как общественно опасное последствие разнообразных деяний. Разумеется, квалификация убийства при наличии указанных деяний представляется излишним, так как *de facto* они соотносятся как часть и целое. Отсюда по правилам квалификации необходимо вменять целое [Попов, 2019, с. 31].

Кроме этого, в правоприменительной практике ранее спорным образом разрешалась конкуренция умышленного причинения смерти (убийства) и глумления над трупом погибшего (причинение повреждений, извлечение органов, расчленение и т.д.). Так, З. Незнамова и А. Игнатов высказывали оценку таких действий по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 105 и 244 УК [Уголовное право..., 2001, с. 618].

Подобная позиция представляется спорной. Уголовно-правовая оценка содеянного по совокупности представляется излишней в качестве обязательного правила, тогда как при определенных обстоятельствах такой подход может иметь

место. Так, если после совершения убийства для сокрытия преступной деятельности виновный расчленяет труп убитого, то состав надругательства над телами умерших и местами их захоронения отсутствует. Иначе, когда глумление осуществляется намеренно, независимо от убийства, данный состав может иметь место и квалификация производится по совокупности деяний. Последнее может иллюстрировать следующая ситуация: суд признал мужчину виновным в убийстве своего знакомого из-за мести на почве ссоры. Совершив убийство, он отрезал у трупа нос и обе ушные раковины. Суд пришел к выводу о совершении осужденным циничных действий и об их квалификации как совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 105 и 244 УК [33].

С учетом уровня интеллектуального развития, возраста, житейского опыта и других обстоятельств человек осознает, что совершает циничные, аморальные действия в отношении тела умершего, сжигая и отрезая некоторые части тела, а также иным способом уродуя его, что свидетельствует в этом случае о направленности умысла на совершение преступления, предусмотренного ст. 244 УК [Уголовное право России, 2013, с. 698].

Применительно к ситуации, когда преступление, предусмотренное ст. 244 УК РФ отсутствует, можно привести следующее совершенно справедливое, по нашему мнению, решение суда вышестоящей инстанции. Так, по приговору Новичихинского районного суда М. был осужден по ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 244 УК. На почве внезапно возникших между Г. и М. неприязненных отношений произошла ссора, в ходе которой М. нанес удары ножом в грудь Г. Затем вынес тело на придомовую территорию, где положил в снег за хозяйственными постройками. После этого при помощи топора расчленил тело потерпевшего и сжег части тела в печи жилого дома. Кассационным определением судебная коллегия по уголовным делам Алтайского краевого суда приговор изменила, исключив квалификацию по ст. 244 УК [34].

Иначе полагает помощник прокурора А. В. Калужская, по мнению которой, обозначенное решение кассационной инстанции является несостоятельным, а приговор суда первой инстанции верным [Калужская, с. 43-46]. В

действительности, данный автор и сам указывает на очевидность цели в виде сокрытия факта умышленного причинения смерти другому человеку, чем фактически исключается квалификация, на которой А. В. Калужская настаивает. Справедливо указывали другие ученые, что причинение смерти другому человеку с расчленением оценивается исключительно в качестве убийства [Курс уголовного права, 2002, т. 4, с. 457].

При рассмотрении и квалификации убийств, важно заметить, что разные виды убийств являются смежными составами, которые также необходимо разграничивать между собой. Особый спор возникает при конкуренции отдельных признаков квалифицированных и привилегированных убийств.

Высшая судебная инстанция верно требует при конкуренции квалифицированного и привилегированного составов убийства, безусловный приоритет отдавать последнему. Отсюда следует, что в случае наличия смягчающего обстоятельства (ст. 106-108 УК), а также если при этом одновременно отсутствует хотя бы один признак состава преступления квалифицированного убийства.

Так, недопустимо квалифицировать убийство с особой жестокостью, совершенное в состоянии аффекта лицом в возрасте 15 лет, в качестве преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ. В данном случае состав преступления отсутствует.

Нередко серьезные трудности в практике квалификации вызывает проблемы отграничение убийства с косвенным умыслом от причинения смерти по неосторожности (по легкомыслию).

В этих случаях главным критерием является отношение виновного к возможной смерти потерпевшего. Для преступного легкомыслия характерен расчет на предотвращение последствий, а для убийства с косвенным умыслом - безразличное отношение к последствиям или сознательное их допущение.

Следовательно, если по делу установлено, что виновный безразлично относился к возможным последствиям своих действий или сознательно допускал смерть потерпевшего, содеянное должно квалифицироваться как убийство. Если

показания потерпевшего, а также обстоятельства дела свидетельствуют о том, что он рассчитывал только на то, чтобы напугать подростков, напр., бросая камень поверх их голов, то содеянное должно квалифицироваться как неосторожное причинение смерти.

К умышленным преступлениям против жизни относится и доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), где отсутствует деяние в виде лишения жизни другого человека, поэтому и само по себе самоубийство не является противоправным деянием. Отсюда, такие преступления в первую очередь надлежит разграничивать по признакам объективной стороны (деяния и причинной связи). При определении понятия доведения до самоубийства необходимо исходить из диспозиции ст. 110 УК РФ, которая формулирует его как преступление особого рода, когда последствия преступления достигаются руками потерпевшего [Бородин, Малинин, с. 7-8].

В последнее время много вопросов вызывает и разграничение убийства и склонения (содействия) совершению самоубийства, в связи с чем приведём достаточно интересный казус, происходивший в 1927 году. «Дело рассматривалось Верховным судом РСФСР. По данному делу некто К. подговаривал к самоубийству свою сожительницу М., которая находилась в состоянии беременности. К., не желая платить алименты и имея умысел на самоубийство М., предложил своей сожительнице совместно совершить повешение – закончить жизнь самоубийством. М. согласилась и совершила повешение у него на глазах, однако К. вешаться не стал и не оказал помощи по ее спасению. Верховный суд признал данное преступление убийством из низменных побуждений» [Жирнов, с. 39].

Опираясь на данный казус и принимая во внимание лишь действующее отечественное законодательство, необходимо отграничить смежные составы преступлений, предусмотренные статьями 105 и 110¹ УК РФ. На наш взгляд, в описываемом казусе отсутствует объективная сторона убийства – как умышленного причинения смерти другому человеку, так как «последнее» решение о лишении себя жизни приняла именно потерпевшая, что исключает

факт лишения её жизни сожителем К. Кроме этого, К. предложил своей сожительнице совместно осуществить повешение (самоубийство), чем совершил склонение М. к совершению самоубийства посредством обмана, как одного из способа возбуждения желания у лица совершить самоубийство. При этом, если будет установлено и убедительно доказано, что К. не реализовывал содействие путём предоставления указаний, средств и прочее, учитывая, что безусловно, отсутствуют признаки доведения до самоубийства (угрозы, жесткое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства), не претендуя на истинность выводов, считаем, что данное деяние надлежит квалифицировать по части 5 статьи 110¹ УК РФ, как «склонение к совершению самоубийства путем обмана при отсутствии признаков доведения до самоубийства, повлекшее самоубийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности».

Вопрос о разграничении убийства и преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК, имеет место потому, что почти все признаки данных составов объективно выражаются без существенных отличий. Тогда как главный критерий разграничения, как признают специалисты, о чем свидетельствует и сложившаяся судебная практика - психическое отношение виновного к смерти потерпевшего.

В соответствии с рекомендациями Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 при разграничении убийства и преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, необходимо исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного, в частности способа и орудия преступления, количества, характера и локализации телесных повреждений, характера взаимоотношений сторон.

Здесь стоит обратить внимание на то обстоятельство, что разрыв во времени не может быть критерием для разграничения данных преступлений. Следовательно, может быть убийство, даже если смерть наступила через месяц, после причинения вреда здоровью, либо может быть умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности причинение смерти, когда смерть наступает сразу же на месте происшествия [41]. Так, между

находившимися во дворе Копытовым А.В. и ФИО7 на почве личных неприязненных отношений произошла ссора, в ходе которой у первого возник умысел на причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни второго. Для этого, Копытов А.В., осознавая, что наносит удары в область жизненно-важных органов человека, а именно в голову и тело, при этом желая причинения тяжкого вреда здоровью, но с легкомысленным отношением к последствиям своих действий в виде смерти человека, умышленно нанес два удара кулаками по лицу ФИО7, от которых последний присел на землю, после чего, Копытов А.В. умышленно нанес ФИО7 множественные удары ногами по голове и телу. Своими преступными действиями Копытов А.В. причинил потерпевшему ФИО7 тяжкий вред здоровью. Как установил суд, именно в результате преступных действий Копытова А.В. смерть ФИО7 наступила на месте происшествия [35]. Содеянное справедливо квалифицировано в качестве преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.

При убийстве иначе: виновный умышленно относится к неизбежности или реальности наступления смерти от своих действий, зачастую это объективируется посредством орудия преступления, локализации ранений, их количества. Так, в состоянии алкогольного опьянения, в ходе конфликта на почве личных неприязненных отношений, виновный умышленно, с целью причинения смерти, осознавая, что нанесение ударов ножом и молотком в область жизненно – важных органов приведет к смерти, желая этого, молотком нанес потерпевшему множественные удары по голове и телу, после чего, отбросив молоток в сторону, ножом нанес своей жертве множественные удары в область живота и шеи [39]. Суд оценил действия виновного как простое убийство.

Вместе с тем, иногда квалификация представляется спорной. Так, один удар ножом при наличии тех или иных фактических обстоятельств квалифицируется либо по ч. 1 ст. 105, либо по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Представляется, что вряд ли допустимо наличие неосторожной формы вины в виде небрежности при ударе ножом в живот, даже если это один удар. Полагаем, что в таком случае человек предвидит наступление смерти, но: может самонадеянно рассчитывать

на конкретные обстоятельства, могущие препятствовать наступлению смерти, например нахождение поблизости других людей и др. (легкомыслие) либо относится к такому последствию безразлично (косвенный умысел) (ст. 26 УК РФ). Как следствие, считаем спорной оценку судом содеянного как небрежности у виновного по отношению к смерти при ударе ножом в живот [40]. Примечательно, что в другом приговоре при квалификации содеянного как убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ), тот же суд указал: «... осознавая, что нанесение удара ножом в область расположения жизненно-важных органов ФИО2 неизбежно повлечет наступление его смерти и желая этого...» [36]. Наличие небрежности в подобных случаях квалификации представляется возможным, например, при ударах кулаками [37], [38].

Таким образом, отграничение убийств от смежных составов преступлений является важной составляющей при квалификации посягательства на жизнь человека. Следует особое внимание уделять признакам объективной стороны преступления (умышленное причинение смерти должно быть объективировано во вне), что в первую очередь и отличает убийство от преступлений, связанных с суицидом потерпевшего (ст. 110, ст. 110.1 УК РФ). При общем объекте и, как правило, идентичной объективной стороне при первом приближении убийство трудно разграничить от преступлений, предусмотренных ст. 109 и ч. 4 ст. 111 УК РФ. Главным критерием стоит признать психическое отношение виновного к смерти своей жертвы. В первом случае это только умышленная форма вины в виде прямого или косвенного умысла, тогда как во втором случае – только неосторожная форма вины в виде легкомыслия или небрежности по отношению к наступлению смерти. С преступлениями, предусмотренными п. «б» ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 206, ч. 4 ст. 281, ч. 3 ст. 361 УК, убийство соотносится как целое и часть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного нами исследования уголовно-правовой характеристики и проблем уголовно-правовой оценки убийств, мы пришли к следующим выводам.

Объектом убийства следует признать те общественные отношений, которые гарантируют неприкосновенность жизни. При этом стоит подчеркнуть, что уголовно-правовая охрана жизни возникает с момента начала процесса родов. Прекращение такой охраны стоит связывать именно с моментом биологической (физиологической) смерти. Объективная сторона убийства состоит из общественно опасного деяния (выраженного действием или бездействием), общественно опасного последствия в виде причинения смерти другому человеку, а также причинно-следственной связи между ними. Убийство бездействием, как нам представляется, совершенно допустимо будет иметь место только при смешанном бездействии, то есть умышленном поставлении в опасность. Тогда как признавать общественно опасное деяние в составе убийства в виде чистого бездействия, полагаем нецелесообразным.

Субъектом состава убийства (ст. 105 УК РФ) является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет, субъект относится к категории общего, а не специального, так как признак возраста установлен положениями Общей части Уголовного кодекса РФ. С позиций субъективной стороны надлежит устанавливать умышленную форму вины, при этом ее выражение может быть как в виде прямого, так и в виде косвенного умысла виновного, направленного именно на лишение жизни другого человека. Важен к установлению и мотив или цель такого посягательства, так как мы поддерживаем позицию о недопустимости безмотивного убийства. Подчеркнем, что покушение на убийство допустимо квалифицировать исключительно при наличии прямого конкретизированного умысла на причинение смерти другому человеку, а при установлении неконкретизированного прямого умысла или косвенного умысла и при не доведении преступления до конца по независящим от виновного причинам, вменению ему подлежат исключительно фактически наступившие

общественно опасные последствия, а значит вменение покушения на убийство исключается.

Мы показали, что убийство двух или более лиц является довольно спорным составом квалифицированного убийства с позиций как судебной практики, так и доктрины уголовного права. Представляется, что убийство двух или более лиц является единым преступлением, которое совершается одновременно или в разное время. В первом случае виновный может иметь как прямой, так и косвенный умысел, тогда как во втором случае убийство двух или более лиц допустимо исключительно с прямым умыслом.

Убийство двух лиц и покушение на убийство третьего лица при наличии умысла на убийство трех лиц, на наш взгляд, обоснованно оценивать в качестве оконченного преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Такая квалификация имеет место и в той ситуации, когда смерть фактически причинена двум лицам тогда, когда ещё два или более остались живы по причинам, независящим от виновного, так как состав преступления, предусмотренный п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, является уже выполненным, а вменение покушения на убийство двух или более лиц считаем нарушением принципа излишнего вменения. При наличии умысла на убийство двух лиц, при фактическом причинении смерти одному лицу, содеянное в целом надлежит квалифицировать в качестве преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а дополнительно инкриминировать оконченное убийство одного из лиц, на убийство которых был первоначально направлен умысел виновного, рассматриваем также как излишнее вменение.

Убийство с особой жестокостью, на наш взгляд, является довольно трудным для понимания его признаков в абстракции уголовного закона, но в правоприменительной практике основные вопросы, вызываемые оценочным характером данного квалифицирующего признака. Признаки, характеризующие особую жестокость при убийстве, могут быть как в единичном проявлении, например, умышленное причинение смерти посредством множества ножевых ударов (более 100), так и при сочетании описываемых признаков, как то:

сожжение заживо на глазах у малолетних детей жертвы. Подчеркнем, что в случаях, когда виновный осознает особую жестокость совершаемого им убийства, однако в действительности её не причиняет, то квалификация содеянного охватывается покушением на убийство с особой жестокостью.

Отграничение убийств от смежных составов преступлений является важной составляющей при квалификации посягательства на жизнь человека. Следует особое внимание уделять признакам объективной стороны преступления (умышленное причинение смерти должно быть объективировано во вне), что в первую очередь и отличает убийство от преступлений, связанных с суицидом потерпевшего (ст. 110, ст. 110.1 УК РФ). Кроме этого, в первом приближении трудности при разграничении со смежными составами, зачастую вызываемые единством объекта посягательства и объективной стороны убийства и преступлений, предусмотренных ст. 109 и ч. 4 ст. 111 УК РФ, не дают четких оснований для выбора того или иного состава. Однако, главным критерием разграничения данных составов стоит признать психическое отношение виновного к смерти своей жертвы. При убийстве – это только умышленная форма вины в виде прямого или косвенного умысла, тогда как во втором случае – только неосторожная форма вины в виде легкомыслия или небрежности по отношению к наступлению смерти. Разграничение преступлений, предусмотренных ст. 105 и ч. 4 ст. 111 УК РФ допустимо при выявлении разницы косвенного умысла и легкомыслия по отношению к смерти жертвы.

Резюмируя вышесказанное, считаем, что уголовно-правовая характеристика позволяет тщательно проанализировать убийство как самое опасное преступление против личности, выявить его субъективные и объективные признаки, необходимые для решения трудных вопросов квалификации. Тогда как рассмотрение частных вопросов отграничения и разграничения убийств с иными составами необходимо осуществлять при подробном анализе правоприменительной практики и последних научных разработок в данной области, с учетом правовых позиций Верховного Суда РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Нормативные правовые акты:**

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. 1993. 25 дек. С. 8.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. С. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

Материалы судебной практики

4. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
5. Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР по делу Трофимова // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1973. № 11.
6. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2003 г. от 07.04.2004 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 7.
7. Постановление Верховного Суда СССР // Бюллетень Верховного суда СССР. 1964. № 2.
8. Постановление Судебной коллегии Верховного Суда РФ по делу Роговцева // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 11.
9. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 09.02.2004 № 6-о04-4сп // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2020)
10. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 03.08.2004 № 5-О04-103 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2020)
11. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2019 по делу № 32-о19-1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2020)

12. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.1992 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993. № 2. С. 15.

13. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 по делу № 48-АПУ19-34 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2020)

14. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2019 по делу № 5-АПУ19-84 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2020)

15. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.11.2019 по делу № 18-АПУ19-26 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2020)

16. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.12.2019 по делу № 3-АПУ19-13 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2020)

17. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.10.2019 по делу № 2-1/2019 // СудАкт [сайт]. URL : <https://sudact.ru/vsrf/doc/YjdXgggvS8Vn> (дата обращения: 08.01.2020)

18. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 05.03.2020 по делу № 55-85/2020 // Пятый апелляционный суд общей юрисдикции [сайт]. URL : <https://5ap.sudrf.ru>. (дата обращения: 23.04.2020)

19. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 15.04.2020 по делу № 55-175/2020 // Пятый апелляционный суд общей юрисдикции [сайт]. URL : <https://5ap.sudrf.ru> (дата обращения: 23.04.2020)

20. Приговор Воронежского областного суда от 27.06.2019 по делу № 2-55/2018 // СудАкт [сайт]. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/FmljrPnciEgr> (дата обращения: 06.01.2020)

21. Приговор Иркутского областного суда от 04.12.2019 по делу № 2-35/2019 // Иркутский областной суд [сайт]. URL : <https://oblsud--irk.sudrf.ru>. (дата обращения: 23.04.2020)

22. Приговор Иркутского областного суда от 06.10.2016 по делу № 2-40/2016 // Иркутский областной суд [сайт]. URL : <https://oblsud--irk.sudrf.ru>. (дата обращения: 19.04.2020)

23. Приговор Иркутского областного суда от 20.05.2019 по делу № 2-24/2019 // Иркутский областной суд [сайт]. URL : <https://oblsud--irk.sudrf.ru>. (дата обращения: 19.04.2020)

24. Приговор Иркутского областного суда от 24.11.2016 по делу № 2-49/2016 // Иркутский областной суд [сайт]. URL : <https://oblsud--irk.sudrf.ru>. (дата обращения: 22.04.2020)

25. Приговор Иркутского областного суда от 28.11.2017 по делу № 2-46/2017 // Иркутский областной суд [сайт]. URL : <https://oblsud--irk.sudrf.ru>. (дата обращения: 22.04.2020)

26. Приговор Кемеровского областного суда от 28.11.2019 по делу № 2-37/2019 // Кемеровский областной суд [сайт]. URL : <http://oblsud.kmr.sudrf.ru>. (дата обращения: 19.04.2020)

27. Приговор Краснодарского краевого суда от 04.09.2019 по делу № 2-35/2019 // Краснодарский краевой суд [сайт]. URL : <https://kraevoi--krd.sudrf.ru>. (дата обращения: 22.04.2020)

28. Приговор Краснодарского краевого суда от 11.06.2019 по делу № 2-23/2019 // Краснодарский краевой суд [сайт]. URL : <https://kraevoi--krd.sudrf.ru>. (дата обращения: 22.04.2020)

29. Приговор Ленинградского областного суда от 29.06.2017 по делу № 2-15/2017 // Ленинградский областной суд [сайт]. URL : <https://oblsud--lo.sudrf.ru>. (дата обращения: 22.04.2020)

30. Приговор Московского городского суда от 11.09.2019 по делу № 2-0027/2019 // Московский городской суд [сайт]. URL : <https://www.mos-gorsud.ru>. (дата обращения: 22.04.2020)

31. Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 07.11.2019. по делу № 2-51/2019 // Санкт-Петербургский городской суд [сайт]. URL : <https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru>. (дата обращения: 22.04.2020)

32. Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 30.07.2018 по делу № 2-39/2018 // Санкт-Петербургский городской суд [сайт]. URL : <https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru>.

33. Приговор Рассказовского районного суда Тамбовской области от 18.10.2010 по делу № 1-127/2010 // Рассказовский районный суд [сайт]. URL : <http://sud2468.tmb.sudrf.ru> (дата обращения: 22.04.2020)

34. Приговор Новичихинского районного суда Алтайского края от 17.02.2012 по делу № 1-1/2012 // Новичихинский районный суд [сайт]. URL : <http://novochihinsky.alt.sudrf.ru> (дата обращения: 22.04.2020)

35. Приговор Тюменского районного суда Тюменской области от 04.10.2019 по делу № 1-415/2019 // Тюменский районный суд [сайт]. URL : <https://tumensky--tum.sudrf.ru>. (дата обращения: 10.04.2020)

36. Приговор Тюменского районного суда Тюменской области от 11.05.2017 по делу № 1-187/2017 // Тюменский районный суд [сайт]. URL : <https://tumensky--tum.sudrf.ru>. (дата обращения: 10.04.2020)

37. Приговор Тюменского районного суда Тюменской области от 11.01.2018 по делу № 1-24/2018 // Тюменский районный суд [сайт]. URL : <https://tumensky--tum.sudrf.ru>. (дата обращения: 10.04.2020)

38. Приговор Тюменского районного суда Тюменской области от 16.01.2018 по делу № 1-11/2018 // Тюменский районный суд [сайт]. URL : <https://tumensky--tum.sudrf.ru>. (дата обращения: 10.04.2020)

39. Приговор Тюменского районного суда Тюменской области от 18.02.2020 по делу № 1-57/2020 // Тюменский районный суд [сайт]. URL : <https://tumensky--tum.sudrf.ru>. (дата обращения: 27.04.2020)

40. Приговор Тюменского районного суда Тюменской области от 23.08.2018 по делу № 1-205/2018 // Тюменский районный суд [сайт]. URL : <https://tumensky--tum.sudrf.ru>. (дата обращения: 27.04.2020)

41. Приговор Тюменского районного суда Тюменской области от 24.05.2019 по делу № 1-172/2019 // Тюменский районный суд [сайт]. URL : <https://tumensky--tum.sudrf.ru>. (дата обращения: 27.04.2020)

42. Приговор Тюменского районного суда Тюменской области от 28.08.2019 по делу № 1-313/2019 // Тюменский районный суд [сайт]. URL : <https://tumensky--tum.sudrf.ru>. (дата обращения: 27.04.2020)

43. Приговор Тюменского районного суда Тюменской области от 02.10.2018 по делу № 1-277/2018 // Тюменский районный суд [сайт]. URL : <https://tumensky--tum.sudrf.ru>. (дата обращения: 27.04.2020)

44. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.06.1963 № 9 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1963. № 4 (утратил силу)

45. О судебной практике по делам об умышленном убийстве : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27.06.1975 № 4 // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924-1977. Ч. 2. М., 1981. С. 169-177. (утратил силу)

Специальная и учебная литература:

46. Андреева Л. А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах : конспект лекций. СПб., 1998. 18 с.

47. Антонян Ю. М. Понятие особой жестокости и преступления с особой жестокостью // Социалистическая законность. 1990. № 6. С. 53-55.

48. Артюшина О. В. Убийство с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 23 с.

49. Байбарин А. А. Уголовное право России. Общая часть : учеб. пособие / А. А. Байбарин, А. А. Гребеньков, С. В. Шевелева; Отв. ред. А. А. Гребеньков, Курск : Изд-во Юго-Зап. гос. ун-та, 2013. 412 с.

50. Бодалева Т. Г. Уголовно-правовая характеристика состава простого убийства // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 7 (34). С. 539-544.

51. Борзенков Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: Учебно-практическое пособие. М., 2008. 430 с.
52. Бородин С. В. Квалификация преступлений против жизни. М. : Юрид. лит., 1977. 140 с.
53. Бородин С. В., Малинин В. Б. Убийство – общая характеристика : монография. СПб. : МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013. 196 с.
54. Бохан А. П., Иванов В. Д. Особенности квалификации убийства мнимобеременной женщины // Юрист - Правоведь. 2013. № 4 (59). С. 40-43.
55. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. 316 с.
56. Герфер М. А. Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве // Ученые записки ВЮЗИ. М., 1955. С. 57-58.
57. Гишинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд., перераб. и доп. СПб. : Алеф-Пресс, 2014. 574 с.
58. Гладких В. И., Маслова Е. Н. Оценочные категории в квалифицированных видах убийства : монография. М. : Международный юридический институт при Минюсте России, 2009. 226 с.
59. Дрожжина Е. А. Общественная безопасность как объект преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 27 с.
60. Дрожжина Е. А. Объект преступления и его влияние на квалификацию преступлений // Уголовное право. 2015. № 3. С. 32-35.
61. Егоров А. В. Некоторые аспекты квалификации умышленных убийств // Судья. 2016. № 4. С. 25-27.
62. Жирнов А. Д. История развития уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за склонение к самоубийству // Вестник Российского нового университета. 2017. № 2. С. 35-40.
63. Загородников Н. И. Преступления против жизни. М. : Госюриздат, 1961. 276 с.

64. Иванов А. Л. Вопросы квалификации убийства двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Российский следователь. 2019. № 3. С. 46-50.
65. Иванов Н. Г. Уголовное право. Особенная часть : учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2014. 490 с.
66. Калужская А. В. Критерии разграничения убийства и надругательства над телом умершего // Законность. 2017. № 10. С. 43-46
67. Капинус О. С. Убийства: мотивы и цели. М. : ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. 312 с.
68. Козаченко И. Я., Меньшикова А. Г. Особые страдания как характеристика особой жестокости при совершении преступления // Российский юридический журнал. 2018. № 5. С. 56-59.
69. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / Под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. Т. 1. М. : Проспект, 2015. 792 с.
70. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. В 4 т. / Отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2019. Т. 2 Особенная часть. Разделы VII-VIII. 371 с.
71. Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 53-54.
72. Кошелева А. Ю. Особенности причинной связи в составах преступлений, совершаемых путем бездействия. М. : Городец, 2009. 272 с.
73. Краев Д. Ю. Об умысле в убийстве двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Адвокатская практика. 2016. № 5. С. 31-36.
74. Кругликов Л. Л. О критериях особой жестокости в уголовном праве // Актуальные вопросы юриспруденции. № 3. С. 4-8.
75. Кудрявцев В. Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления. // Советское государство и право. 1951. № 8. С. 32-35.
76. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М. : Юрист, 2007. 302 с.

77. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции / Науч. ред. и предисл. академика В. Н. Кудрявцева. М. : Издательский Дом «Городец», 2007. 336 с.

78. Курс уголовного права: Учеб. для вузов / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. Т. 4. 512 с.

79. Курс уголовного права. Общая часть / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Т. 1. М., 2002. 624 с.

80. Лобко К. А. Значение расследования убийств на бытовой почве на современном этапе // Герценовские чтения-2016: актуальные проблемы права и гражданско-правового образования. М. : Изд. дом «Алеф Пресс», 2016. С. 118-123.

81. Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб. : Юридический центр Пресс, 2000. 316 с.

82. Малков В. П. К вопросу о формах и видах множественности преступлений по уголовному праву России // Уголовное право. 2009. № 1. С. 30-38.

83. Нагаева Т. И. Теоретические аспекты установления причинной связи при преступном бездействии // Ученые записки Сахалинского гос. ун-та. 2013. № 1 (10). С. 242-250.

84. Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. 560 с.

85. Питерцев С. К. Оценка множественности ранений в посягательствах на жизнь // Советская юстиция. 1973. № 9. С. 16-19.

86. Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления : монография / Науч. ред. В. Д. Филимонов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 432 с.

87. Попов А. Н. Убийства, совершаемые с особой жестокостью, а также общеопасным способом. СПб. : Санкт-Петербургский юрид. ин-т Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2001. 212 с.

88. Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб. : Юридический центр «Пресс», 2003. 898 с.

89. Попов А. Н. Убийство двух или более лиц – совокупность или одно преступление? // КриминалистЪ. 2009. № 2 (5). С. 3-7.

90. Попов А. Н. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1 с изменениями, внесенными Постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2007 г. № 7, 3 апреля 2008 г. № 4, 3 декабря 2009 г. № 27. СПб., 2011. 80 с.

91. Попов А. Н. Объект преступления : учебное пособие. СПб. : Санкт-Петербургский юрид. ин-т (филиал) Академии Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2014. 40 с.

92. Попов А. Н. Преступления против личности: проблемы квалификации и законодательного регулирования // КриминалистЪ. 2019. № 4 (29). С. 28-36.

93. Попова Н. П. Ответственность за преступления, совершенные с особой жестокостью : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 24-27.

94. Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления : учебное пособие. М. : Юрлитинформ, 2009. 248 с.

95. Рарог А. И. О количественных признаках состава преступления // Уголовное право. 2017. № 4. С. 100-103.

96. Репецкая А. Л. Убийства в России: методика определения латентного массива // Вестник ТГУ. 2019. № 32. С. 55-68.

97. Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 421 с.

98. Соктоев З. Б. Причинность и объективная сторона преступления : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2015. 256 с.

99. Спиридонова Л. Э. Уголовно-правовое значение фактической ошибки в личности // КриминалистЪ. 2012. № 2. С. 58-66.

100. Спиридонова Л. Э. Уголовно-правовое значение фактической ошибки при квалификации преступлений против жизни : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 24 с.
101. Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Спб., 1870. 466 с.
102. Тер-Акопов А. А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. М. : Юрид. лит., 1995. 176 с.
103. Тришина Ж. В. Особая жестокость как способ совершения преступлений против личности: уголовно-правовые и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 254 с.
104. Уголовное право России. Особенная часть. В 2 т. Т. 1. / Под ред. О. С. Капинус. М. : Юрайт, 2015. 437 с.
105. Уголовное право. Особенная часть : учебник / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. М. : НОРМА, 2001. 792 с.
106. Чечель Г. И. Жестокий способ совершения преступлений против личности : уголовно-правовые и криминалистические исследования. Ставрополь, 1992. 270 с.
107. Шайкенова Д. Т. Убийство, совершенное с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты (по материалам Республики Казахстан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 203 с.
108. Энциклопедия уголовного права. Т. 13: Преступления против жизни и здоровья. СПб. : Издание профессора Малинина – СПб ГКА, 2013. 953 с.
109. Якушин В. А. Некоторые вопросы квалификации убийств // Вестник ВУиТ. 2015. № 2 (82). С. 211-230.
110. Яни П. С. Является ли убийство двух и более лиц продолжаемым преступлением? // Законность. 2017. № 6. С. 25-30.
111. Ярмыш Н. Н. Теоретические проблемы причинно-следственной связи в уголовном праве (философско-правовой аспект). Харьков : Право, 2003. 512 с.